

Ирена Доускова

Будь Жегорт

Ирена Доускова

Будь Жегорт

«Розовый жираф»

2002

УДК 821.162.3
ББК 84(4Чех)

Доускова И.

Будь Жегорт / И. Доускова — «Розовый жираф», 2002

ISBN 978-5-4370-0245-2

Хеленка Соучкова живет в провинциальном чешском городке в гнетущей атмосфере середины 1970-х. Пражская весна позади, надежды на свободу рухнули. Но Хеленке всего восемь, и в ее мире много других проблем, больших и маленьких, кажущихся смешными и по-настоящему горьких. Смерть ровесницы, страшные сны, школьные обеды, злая учительница, любовь, предательство, фамилия, из-за которой дразнят. А еще запутанные и непонятные отношения взрослых, любимые занятия лепкой и немецким, мечты о Праге. Дитя своего времени, Хеленка принимает все как должное, и благодаря ее рассказу, наивному и абсолютно честному, мы видим эту эпоху без прикрас. Это очень важно – так смотреть на прошлое, чтобы не повторять ошибок.

УДК 821.162.3

ББК 84(4Чех)

ISBN 978-5-4370-0245-2

© Доускова И., 2002
© Розовый жираф, 2002

Содержание

Предисловие автора	6
От редакции	7
1. Как Олинка была мертвой	8
2. Как Пепичек был в аду	11
3. Как князь Пржемысл с Гусаком были в туалете в Чаславе	14
4. Как меня чуть не съели волки	18
5. Как я была рядом со сгнившим воробьем	21
6. Как слоны обезумели	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ирена Доускова

Будь Жегорт

© Ирена Доускова, текст, 2002

© Мария Юдина, перевод на русский язык, 2018

© Владимир Мачинский, макет и обложка, 2018

© ООО «Издательство» Розовый жираф», 2018

Издательство «4-я улица» R, издание на русском языке

Предисловие автора

Я родилась в августе 1964-го, то есть почти в середине десятилетия, с которым у нас по сей день связаны ностальгические воспоминания. После удушающих и кровавых пятидесятых атмосфера в Чехословацкой Социалистической Республике стала значительно более свободной и внушала определенные надежды. Начали издаваться хорошие книги, появляться новые театры и музыкальные клубы, по радио можно было слушать что-то помимо духовых оркестров или назидательных песен. Даже среди социалистических политиков стали встречаться люди с запоминающимися, а не пустыми лицами. Можно сказать, с человеческими лицами. Постепенно все менялось к лучшему, люди свободнее вздохнули, поверили в возможность и неизбежность реформ, в то, что социализм в определенных условиях может не быть таким безысходным режимом, каким он был до недавних пор. С каждым последующим годом второй половины десятилетия это ощущение усиливалось. В том, что это иллюзия, всем пришлось убедиться особенно жестоким образом 21 августа 1968 года. Советский Союз ни в коем случае не собирался терять одно из своих самых верных государств-сателлитов, и оккупация Чехословакии войсками пяти государств поставила последнюю точку во всех экспериментах и надеждах.

Когда в сентябре 1970 года я пошла в первый класс школы в Пршибраме, как раз начался невеселый период так называемой нормализации. Это был период повторного сламливания личностей и уничтожения жизней (в первую очередь профессиональных), утраты собственного достоинства, смены одежд. Это длилось долго, до бархатной революции в 1989 году, причем первая половина этого периода была особенно ужасной. Чешское (собственно, чехословацкое) общество, лишившееся части своей элиты из-за большой волны эмиграции, чаще принудительной, чем добровольной, само себе нанесло раны, от которых с трудом оправляется по сей день.

Приблизительно таков фон событий из жизни моей героини, девочки Хелены Соучковой. Это не политическая сатира, не исторический экскурс во вторую половину двадцатого века, а отражение того времени в наших маленьких жизнях. Дети со своими радостями и горестями невольно были затронуты действиями взрослых, едва ли понятными им в полной мере. В то же время именно дети часто могли осознать и назвать происходящее намного резче и точнее, чем окружавшие их взрослые.

Мне кажется, что противопоставление детского и взрослого видения мира на фоне печальных семидесятых мне, как автору, дает возможность создать трагикомический, не совсем обычный портрет эпохи, повлиявшей на нас намного больше, чем нам бы того хотелось.

От редакции

Книга, которую вы держите в руках, вышла на русском языке в год пятидесятилетия ввода советских войск в Чехословакию. Что за события разворачивались тогда и чем 1968-й, оставшийся в памяти людей годом бунта молодежи против существующего мироустройства, против милитаризма, годом, навсегда изменившим мир, – чем он стал для граждан Чехословакии и СССР?

В январе 1968 года в Чехословакии начались демократические перемены. Александр Дубчек, возглавивший страну, хотел, не меняя государственный строй и сохраняя хорошие отношения с Советским Союзом, создать «социализм с человеческим лицом». 5 апреля в центральных газетах страны была опубликована официальная программа реформ: отменялась цензура, гарантировалась свобода собраний, появилась экономическая свобода для государственных предприятий и частная собственность, открывался свободный выезд за границу. Реформаторы получили всенародную поддержку. Но в СССР эти изменения были восприняты с тревогой.

В июне 1968-го в чешских газетах был опубликован манифест «Две тысячи слов». Более 60 подписавших его деятелей науки и культуры приветствовали демократизацию и опасались возможного вмешательства иностранных сил. Этот документ вызвал острое недовольство Брежнева. Советский Союз потребовал свернуть реформы и восстановить цензуру. Александр Дубчек не стал выполнять эти требования, и 21 августа 1968 года вооруженные силы пяти стран Варшавского договора вошли в Чехословакию. Дубчек был арестован и вывезен в СССР.

Стихийное сопротивление охватило всю страну. Люди перекрывали площади, расклеивали плакаты, пытались объяснить солдатам, что, отправив их «на помощь братскому народу», советское правительство ввело их в заблуждение: никакой контрреволюции здесь нет. Через два дня Чехословакия оказалась под полным контролем иностранных вооруженных сил. В стране вновь была введена цензура. Дубчек вернулся в Чехословакию, но Пражская весна – короткая эпоха либерализации – закончилась. Советский воинский контингент остался на территории страны на 23 года.

Но протест со стороны населения не утихал. 16 января 1969 года на Вацлавской площади в Праге студент Ян Палах совершил публичное самосожжение в знак протеста против ввода советских войск. Его похороны превратились в массовую демонстрацию, Палах стал символом борьбы с оккупацией. Дубчек ушел в отставку, в стране началась «нормализация», которую возглавил Густав Гусак, пробывший у власти 20 лет. Десятки тысяч людей, в основном творческая и научная интеллигенция, уехали из Чехословакии.

В СССР ввод войск в Чехословакию тоже вызвал протест. 25 августа 1968 года восемь человек – Константин Бабицкий, Татьяна Баева, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг – вышли на Красную площадь и развернули лозунги «За вашу и нашу свободу», «Свободу Дубчеку», «Долой оккупантов», «Руки прочь от ЧССР», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия». Все участники этой акции, кроме Татьяны Баевой, были осуждены и приговорены к различным срокам заключения, ссылки или к принудительному психиатрическому лечению.

События в книге Ирены Доусковой происходят в середине семидесятых, и в тексте немало отсылок к недавнему прошлому и непростым обстоятельствам жизни героев. Связывать их между собой – дело не только писателя, но и читателя.

1. Как Олинка была мертвой

Вчера был важный день. Вчера по школьному радио читали замечательное стихотворение об одном человеке. Его звали Будь Жегорт, он был очень храбрый и выстоял несмотря на разные трудности. Мне тоже нелегко. Особенно потому, что я толстая и все надо мной смеются. Но вчера я решила, что не сдамся. Выстою, как Будь Жегорт.

Еще вчера случилась ужасная неприятность. «Неприятность» – так часто говорит директор театра, в котором моя мама играет, она актриса, и папа тоже. Когда директор хочет сказать, что что-то не так, или что-нибудь похожее, то он говорит: «Товарищи, тут такая неприятность...» Вообще-то он мне не очень нравится, потому что он похож на улыбающийся череп. Черепов и скелетов я боюсь больше всего. И еще чертей. И боюсь собак, потому что как-то одна укусила меня за ногу – это было в Закопах, у бабушки с бабушкой. А «неприятность» мне нравится, подходящее слово.

Так вот вчера, когда мы пришли в школу, точнее когда уроки уже закончились, наша учительница пани Колачкова сказала, чтобы мы еще немного посидели тихо, потому что ей нужно нам кое-что сообщить. Она была такая серьезная, что я сразу подумала: точно какая-нибудь неприятность.

Так было и раньше, когда учительница собралась нам что-то сообщить, вызвала к доске Грузу и дала ему эскимо. А Груза так странно смотрел, но он вообще всегда так смотрит, довольно странно. И в тот раз она сказала: «Дети, ваш одноклассник Ладя Груза уходит от нас в коррекционную школу, давайте ему как следует похлопаем». А вчера она сказала: «Дети, случилось что-то очень грустное, ваша одноклассница Олинка Глубинова умерла, потому что из-за сердца она была очень больна». И мы все испугались, а потом пошли домой. И я теперь все время про это думаю.

Олинка из «А» класса, а не из нашего второго «Б», но все же. У нее короткие черные волосы, она так хорошо рисует. Я ее не очень хорошо знаю, но учительница много раз показывала нам ее рисунки, потому что это очень красиво. Теперь она умерла, значит, я, наверное, уже ее не увижу, а ее рисунки учительница может спокойно показывать всегда. Это довольно странно.

Дома я сразу об этом рассказала и спросила, как это она умерла, если она еще маленькая девочка. Я же знаю, что если кто-то умирает, то уже никогда не возвращается ни домой, ни еще куда-нибудь, но, главное, что это бывает со старыми. Еще я спросила, что такое «из-за сердца», и мне сказали, что сердце – это самая плохая болезнь. Если у кого-то сердце, то почти точно он умрет. А потом мама дала мне два печенья, наверное потому, что мне было грустно, как собаке. Я обрадовалась, но грустно было все равно.

Перед летними каникулами так уже было. Я обрадовалась, потому что закончила год на отлично и мы пошли есть пирожные, а обычно мне пирожных нельзя, потому что я толстая. Но было и грустно, потому что в школе сказали, что умерла наша учительница с продленки пани Ольга Ержабкова. Она сама убила себя. Об этом нам не говорили, это мне дома сказали, что она отравилась. Она отравилась газом и взорвалась, и тот дом, в котором она жила, тоже взорвался и поэтому умерли еще какие-то другие люди. Я не понимаю почему, ведь она была добрая и веселая. И она мне нравилась, потому что спрятала меня, когда я укусила Зденку за руку. Я тогда не хотела с ней в паре идти на обед, а Зденка не слушала. А потом я боялась, что со мной сделает ее мама пани Климова, когда придет за ней на продленку и увидит эту укушенную руку. Пани Климова тоже учительница в нашей школе, но она ведет русский у старших. Здена тогда плакала, а я сидела под столом на продленке и тоже плакала, пока пани Ержабкова не спрятала меня у себя.

Каченка, так мою маму зовут, тоже не знает, почему учительница убила себя. Папе на кухне она потом говорила, что ее затравили эти свиньи. Наверное, она имела в виду русских или коммунистов, потому что русские и коммунисты – свиньи, только это нельзя говорить. Но Каченка с Андреей Кроуповой все равно так все время говорят и поют песенку против русских¹ про Ленина в горах. А мне не разрешают ходить в искорки², потому что искорки и пионеры³ – маленькие коммунисты. Я не понимаю, из нашего класса туда все ходят, и я тоже хочу. Я уже хожу на немецкий, в художественный кружок и на балет, потому что я толстая и надо больше двигаться. Но в искорки мне бы тоже очень хотелось.

На немецкий не ходит никто, только я одна, к пани Фраймановой, которая была у нас учительницей в прошлом году в первом классе, а потом ушла на пенсию или не знаю куда. Она перестала преподавать в школе и теперь занимается только со мной у себя дома.

На балет много кто ходит, особенно девочки, но они все очень красивые и нет ни одной толстой, кроме меня, так что на занятиях надо мной смеются, да и в остальное время тоже. У меня там есть подруга, взрослая – это женщина, которая учит нас танцевать, она знакомая Каченки из театра. В театре она объявляет по радио, кому когда выходить на сцену. Раньше она была настоящей балериной, а теперь уже тоже толстая.

Лучше всего художественный кружок у пана Пецки в доме культуры, там мне хорошо. Там я рисую и, главное, леплю. Потом все это обжигается в печи и получается скульптура. Сначала я ходила с детьми, но пану Пецке понравилось, как я рисую и говорю, и он уговорил Каченку, чтобы она разрешила мне ходить по вечерам, со взрослыми. Так что теперь я занимаюсь с ними и еще с Нечкой Пацаком, это мальчик, которого пан Пецка тоже позвал к нам. У пана Пецки есть проигрыватель, и когда все начинают рисовать, он ставит Моцарта. Он говорит, это самый лучший на свете композитор, вроде Бедржиха Сметаны, только даже лучше. И он действительно очень хороший. Хотя Андреа Кроупова, актриса из Каченкиного театра и ее подруга, говорит, что самый лучший композитор какой-то другой на Б. Кажется, Баховен. Еще на кружке рассказывают разные интересные вещи, и я думаю, что стану скульптором, когда вырасту.

Вчера пан Пецка сказал, что он слышал, что все теперь будут носить брюки как колокол: сверху узкие, а внизу широкие и цветастые. Еще он сказал, что не будет из себя строить шута и такие штаны наденет только через свой труп. Мне это тоже не нравится, тем более что пан Пецка из Праги и скульптор.

Андреа Кроупова уже носит такие брюки, и она очень красивая, но Каченка все равно намного красивее. Андреа сказала мне, что женщина не может быть скульптором, но пан Пецка говорит, что умная женщина может быть кем захочет.

Думаю, что пани Фрайманова, моя учительница в первом классе, которая теперь преподает мне немецкий, очень умная. Особенно потому, что она знает немецкий, а еще потому, что она умеет говорить такие вещи, которые помогают, когда у меня в голове какая-нибудь трудность, как вчера с Олинкой. В первом классе Каченка хотела записать меня в воскресную школу в костел, но пани Фрайманова отговорила ее, сказала, что мне и без этого хватит проблем. Она имела в виду именно трудности у меня в голове, они у меня, похоже, точно есть.

Когда я вчера возвращалась с немецкого, было уже темно. Шел сильный снег, дул ветер, светились витрины, и в них рождественские украшения. Я шла совсем медленно, чтобы как следует всем насладиться, и немного ела снег (его мне можно, он никакой не сладкий) и остав-

---

¹ После советского вооруженного вторжения в Чехословакию в 1968 году (см. примечание 18) многие общие с Россией и СССР ценности чехи стали воспринимать негативно. Любое высказывание могло превратиться в жест протеста против оккупации страны и насажденного политического режима.

² Искорки – в социалистической Чехословакии детская организация для младших школьников, в которой готовили к вступлению в пионеры.

³ Основная организация для детей и подростков в 1970–1980-е годы в Чехословакии.

ляла следы. А потом я ненадолго остановилась у магазина канцтоваров, потому что он мне нравится больше всего, и смотрела на красивые, вкусно пахнущие карандаши, и на бумагу, и на всякие разные краски и любимые вещи. Снизу витрина была в инее с цветами и звездами, и я сняла перчатки и написала пальцем на стекле: «Ежишек⁴, пожалуйста, подари мне фломастеры, такой набор, где их много и есть и розовый, и оранжевый, и еще пластилин, если получится. Я буду очень хорошо себя вести. Спасибо тебе. Хелена Соучкова, улица Антонина Запотоцкого, дом 429, Ничин 5».

А потом я еще хотела немного посмотреть и понюхать снег, но вдруг увидела, что за витриной стоит Олинка Глубинова и так сердито на меня смотрит. У нее было длинное белое платье и белое лицо, и в руках лист, на котором ничего не нарисовано, он тоже просто белый. Я хотела убежать, но не могла.

Олинка сказала: «Верни мне мою акварель, а то буду тебя пугать, пока ты тоже не станешь мертвецом». И я ответила: «Олинка, пожалуйста, не сердись. Я не брала твою акварель. Я же вообще не из вашего класса. У меня есть только моя старая, которую мне подарила Каченка в том году». – «Кто-то украл у меня акварель, и теперь я не могу рисовать», – сказала Олинка, она была сильно рассержена. «Я дам тебе свою, если хочешь», – сказала я, сняла ранец, вынула акварель и отдала. «Ну хорошо, и поклянись, что никогда не будешь рисовать лучше меня», – приказала Олинка. Я поклялась и быстро побежала домой. И два раза упала.

– Опять ты выглядишь как еврей после погрома, – Каченка сердилась и говорила непонятно. – Пальто застегнуто криво, шарф волочится по земле, шапка в кармане, вся ты какая-то вымокшая. Такая умная девочка, а кажется, что из коррекционной школы.

Но это ладно. Гораздо хуже было потом, когда пришла какая-то женщина и принесла мою сменку в мешке, перчатки и акварель, которую я отдала Олинке. Мне сказали, что я должна задуматься над своим поведением, но ведь я и так ужасно задумчивая.

---

⁴ Ежишек – младенец Иисус, приносящий детям подарки на Рождество.

2. Как Пепичек был в аду

Я уже вся в Рождестве. Оно еще совсем нескоро, примерно через четырнадцать дней, но я все время о нем думаю. Только мне обидно, что Каченка опять на меня сердится, а перед Рождеством это совсем некстати. Ежишек может решить, что я как-то очень плохо себя веду, а я ведь хорошо себя веду, просто со мной случаются разные недоразумения. Как с теми забытыми вещами или еще раньше с карандашами и ластиками – но их я не забывала, у меня их украли в школе, а я не рассказала об этом, потому что если я расскажу, то Каченка опять пойдет в школу, а я этого не хочу.

Меня бы тогда не любили еще больше, чем уже не любят сейчас. Я же толстая и еще я из театра, хотя вот Ярда Лагрон и Роберт Лагрон из тира и никому это не мешает, тем более что они у нас в классе только зимой и иногда дают бесплатно пострелять или покататься на карусели.

А еще эти фамилии. Дело в том, что по-настоящему моя фамилия не Соучкова, как у Каченки, а Фрайштайн, как у Карела Фрайштайна, который вроде как мой отец, но при этом он мне не отец, потому что я совсем его не знаю, и он меня тоже, и он здесь совсем не живет, он у меня только как-то в крови.

Раньше у меня была только Каченка, а теперь еще есть Пепа и Пепичек, и Пепа – мой настоящий папа. Только у Каченки по-прежнему фамилия Соучкова, потому что она актриса и так принято. А фамилия Пепы – Брдех, и Каченка иногда подписывается Соучкова, а иногда Брдехова или еще Соучкова-Брдехова. Только я Фрайштайнова, и мне это совсем не нравится, и в школе надо мной смеются.

Когда учительница в сентябре только пришла, она спрашивала, как кого зовут, хотя все знала, но просто хотела услышать от нас. Очередь дошла до меня, и она сказала: «Ну и ну, дети, вы когда-нибудь видели что-нибудь такое? Вот у Хелены фамилия Фрайштайнова, у ее мамы Соучкова, а у папы Брдех. Я с таким еще не встречалась. Но в театре, видимо, и не такое бывает. Это, наверное, не твой родной папа, Хелена?» Весь класс смеялся, хотя все давно знали про это и раньше не смеялись.

Каченка была в ярости, когда я рассказывала ей об этом. Сказала, что они дураки, и пошла просить пани Колачкову, чтобы она больше не называла моего папу неродным, а меня называла Соучковой, чтобы я не чувствовала себя так одиноко с этой своей фамилией. Учительница пообещала ей это, она никакая не злая, просто не такая интеллигентная, как пани Фрайманова, и, наверное, даже не знает немецкого. Но в классном журнале я все равно должна оставаться Фрайштайнова, с этим, говорят, ничего не поделаешь. Так что я себя называю Соучковой, например, если пишу письмо Ежишеку или кому-нибудь еще или на лепке, и пан Пецка с этим согласен. Но мальчики в школе, да и девочки тоже, все время кривляются и называют меня Мобидик – это вроде какая-то очень толстая рыба. Или атомной бомбой. А теперь, из-за учительницы, меня начали называть Франкенштейнова. Я не знаю, что это значит, нужно спросить у Каченки. Но только осторожно, чтобы она не захотела опять пойти в школу.

В общем, я не стала рассказывать ей про те украденные карандаши и ластики, и теперь кажется, что я себя ужасно веду.

Еще одна неприятность случилась, когда я сказала Пепичеку, что он в аду. Пепичек лежал в кровати и уже почти спал, а я сидела рядом и повторяла: «Ты в аду. Ты в аду. Я старый черт. Ты в аду». И получилось! Пепичек поверил и начал плакать. И тут пришла Каченка и все услышала, потому что я тоже уже в это поверила и не заметила, как она вошла. Она рассердилась и до сих пор сердится.

Только я не хотела ничего плохого, я очень люблю Пепичека, я просто хотела посмотреть, поверит ли он, что я черт, если видит, что я это я. Потому что каждый скульптор должен

уметь убеждать в своей правде, должен обладать силой фантазии или что-то в этом духе. Так говорит пан Пецка, и это как раз должна была быть сила фантазии. Только вот Пепичеку два с половиной года, и, говорят, с ним нельзя ничего такого пробовать.

Я рада, что у нас есть Пепичек, хотя я хотела, чтобы его звали Марцел. Но Пепа с Каченкой сказали, что такое имя ему не понравится, когда он вырастет. Совсем не понимаю почему, это же красивое имя. У меня есть один заяц и его так зовут. Пепичека называли в честь папы и дедушки – пражского дедушки, который Брдех. Закопского дедушку, Каченкиного папу, зовут Франтишек, а другого моего дедушку со стороны Фрайштайна даже не знаю как звали. Но он все равно уже мертвый, и та бабушка тоже. Знаю только, что ее звали Хеленой, как меня. Закопская бабушка говорит, что их на войне убили немцы. Что их зажарили в печи или как-то так, но не знаю, правда ли это. Наверное, неправда. Бабушка думает, что я еще маленькая и ничего не понимаю, и нарочно рассказывает мне хорошее о Фрайштайне, чтобы я его любила. А я его не люблю, только Пепу. А его как раз не любит бабушка, потому что она любит Фрайштайна и пишет ему письма, а еще потому, что Пепа хочет, чтобы я сидела на диете, чтобы не быть толстой. И все время ссоры. Но я все понимаю и думаю даже, что Пепа прав, хотя и люблю есть торты и булки, которые закопская бабушка все время нарочно печет, и у меня голова кругом.

Закопская бабушка очень добрая, только упрямая и страшно любит командовать, даже дедушкой. В Закопы мы ездим каждые выходные и всегда там ужасно все ссоримся, особенно Каченка с бабушкой. Лучше бы мы туда не ездили, но так нельзя, мы же любим друг друга.

И все это из-за Фрайштайна. Бабушка постоянно ему тайком пишет, что мне грустно, что у меня воспаление легких, что мне нельзя булки, а мне их хочется, и все это как будто правда, но это неправда. Фрайштайн живет за границей, ужасно далеко, это место называется Ньюйорк. И я все время боюсь, вдруг он за мной приедет. Пан Пецка очень хохотал, когда я ему однажды призналась, и сказал, что этого-то точно не нужно бояться. Но мне это не кажется смешным, хотя это и далеко. Бабушка будет писать ему, что я грущу, до тех пор, пока он не рассердится и не приедет.

Однажды Фрайштайн прислал мне куклу, ее зовут Карла, в честь него. Я ее не люблю, поэтому зову по фамилии – пани Ньюйоркова. Ньюйорк – это город, как наш Ничин, только там живет больше людей и находится он в стране Америке.

В театре однажды шел спектакль, назывался «Позор Америке» или как-то так, и Пепа с Каченкой играли в нем каких-то нехороших американских людей. Им это совсем не нравилось и мне тоже. Гораздо лучше были «Олдржих и Божена», где Пепа играл убийцу и я его очень боялась. Но тогда я была еще маленькая, а Пепа еще был паном Брдехом, который просто иногда у нас бывал.

«Олдржиха и Божену» написал известный писатель Франтишек Грубин⁵, который «Цыпленок и поле», и Каченка сказала, что он написал это против русских. Как, например, «Яна Гуса», которого тоже поставили против них, но его написал не Франтишек Грубин, а Йозеф Каэтан Тыл, который еще написал чехословацкий социалистический гимн. Франтишек Грубин уже прошлой осенью умер и висел у нас на стенде. А сейчас у нас на одном ВОСР⁶, а на другом – Рождество.

Вчера на День святого Микулаша⁷ в театре было представление для детей из театра, но никакого Микулаша там не было, а только пан Дусил и Андреа Кроупова, и они делали вид, что они Дед Мороз и Снегурочка, и подарили нам наборы конфет. Настоящие Микулаш с чертом

---

⁵ Франтишек Грубин (1910–1971) – чешский писатель, поэт, драматург и сценарист. За критику политического вмешательства в литературу был лишен возможности печататься, занимался переводами и детской литературой.

⁶ ВОСР – Великая Октябрьская социалистическая революция.

⁷ Микулаш – святой Николай Чудотворец. 5 декабря в Чехии к детям приходят Микулаш с чертом и ангелом и тем, кто хорошо себя ведет, дарят подарки, а непослушным – уголь.

приходили к нам домой, и я очень волновалась, как все закончится, потому что Микулаш знал, что я говорила Пепичеку, что он в аду, и про Пепичека он тоже все знал. Черт ужасно рычал, и Микулашу пришлось постараться, чтобы он не укусил нас или не забрал действительно в ад. Нам надо было читать стихи и петь, и Пепичек плакал, а мне было страшно. Наконец мы пообещали им все, что они хотели, и они оставили нас в покое и подарили подарки. Тогда мне стало легче. Но все равно это было замечательно, и Микулаш так сильно пах, немного как театр, но главное, от него шел святой запах приключений.

Теперь придет только Ежишек, и нам уже ничего не грозит. Перед тем как отправиться в Закопы, мы с дедушкой Франтишеком пойдем на Святую Гору смотреть рождественский вертеп, и еще мне нужно сильно помолиться, чтобы с пластилином все хорошо закончилось и чтобы все были всегда живы. Может, еще попросить Ежишека, чтобы меня звали не Фрайштайновой, а Соучковой? Брдёховой я быть не хочу, потому что тогда меня будут дразнить «Брдёхова-Пердёхова», а это уж совсем.

3. Как князь Пржемысл с Гусаком были в туалете в Чаславе

Ну вот! Ежишека, кажется, не существует! Я получила в подарок пластилин, карандаши и фломастеры, но только опять маленькие, куклу, сказку «Кот Микеш» и другие книги и какую-то одежду, которая мне совсем не интересна. Пластилин этот я видела глубоко в кладовке, когда хотела взять один или в худшем случае два ванильных рогалика. За это и наказана.

В школе я уже давно слышу, что все это не по-настоящему. Краткая говорила, что подарки приносят взрослые, а Элиаш сказал, что его бабушка каждый раз спрашивает: «Иржи, что тебе подарить на Рождество?» – а потом всегда дарит носки. И говорят, об этом знают все. Но вообще дети верят во всякие глупости, например что Яна Гуса⁸ в фильме «Ян Гус», который мне очень нравится, играл заключенный, приговоренный к смерти, потому что в конце фильма его сожгли. Я знаю, что это не так: это обычный актер Штепанек и потом он был жив. Но в классе мне никто не поверил, так что и я им не очень верю. Думаю, у них довольно глупые мамы и папы, одни шахтеры, каменщики и коммунисты. Только у Климовой, которую я укусила за руку и с которой теперь дружу, и еще у Валовой, которую когда вызовут к доске, то она краснеет и заикается, отцы – офицеры в армии. А это, говорит Пепа, коммунисты в квадрате.

Осенью нам перед школой поставили одного противного шахтера на постаменте, и все должны были прийти с цветами и флажками, как на первое мая. Родители тоже. Но Каченка с Пепой не пошли и сказали, что никакой товарищ Гавирженек Уранович их не интересует. Так что мне пришлось пойти с Кристиной Махачковой из соседнего дома, которая ходит в первый класс. Кристину к нам привел пан Махачек, ее папа, у которого белые волосы и усы, и он выглядит как ее дедушка. «Ну, девочки, идите, молчите, слушайте, а потом расскажете нам, как все было», – скомандовал он. Каченка спросила, не пойдет ли и он посмотреть на начальство, но пан Махачек сказал: «Что вы, сударыня, я же па-то-ло-го-а-на-том, увижу их позже. А сейчас лучше выпью с вами кофейку и выкурю сигаретку».

Кристина захотела узнать, что такое этот пато-не помню-точно-кто, но пан Махачек закричал: «Кристина, Хеленка, равнение налево, шагом марш! На выход!» – и вытолкнул нас за дверь. Я тоже не знаю, что это такое, забыла спросить, но думаю, это значит «терпеливый».

После шахтера я сразу побежала в театр, как мы и договаривались, потому что собирались на гастроли в Часлав. Была пятница, и бабушка из Закопов приехала посидеть с Пепичеком, а мне можно было поехать с Каченкой и Пепой.

Перед театром уже ждали родители с Андреей Кроуповой и Лудеком Старым, пан Дусил, пан Хак с Лидой Птачковой и Тютей, это ее пудель, и режиссер пан Коларж, это ее любовник, и еще другие люди, которых мы любим и которые играют в «Строптивой». Я уже издалека заметила, как они там стоят и разговаривают, курят, ходят туда-сюда и кричат. И настроение мое становилось все лучше, как всегда, когда я иду с родителями в театр и когда все не портит тройка или четверка⁹ или какая-нибудь другая неприятность. А от шахтера ничего такого не было. В театре я бываю почти каждый день, так что, в общем, почти каждый день очень радуюсь. А когда мы едем на гастроли, то это еще лучше, чем съездить в Закопы, и даже почти лучше, чем лепка.

---

⁸ Ян Гус (около 1370–1415) – римско-католический священник, чешский богослов, проповедник и реформатор церкви, опередивший почти на столетие Лютера и Кальвина. Критиковал моральный упадок, в который, по его мнению, пришла католическая церковь. На Констанцском соборе осужден как еретик. Гус отказался отречься от собственного учения и был сожжен. После его казни возникло реформаторское религиозное движение, охватившее все земли Чешской короны и принявшее революционные формы. Последователей Яна Гуса стали позднее называть гуситами.

⁹ В чешской системе оценок 1 – высший балл, а 5 – низший.

Нет, это лучше всего на свете. Только когда я заметила, что Пепа с Каченкой говорят с Лудеком Старым, у меня, как говорит закопская бабушка, начали сдавать нервы, потому что Лудек Старый мне нравится и Каченка знает об этом и нарочно надо мной смеется. «Хелена, кавалер с одним только средним образованием и с такой маленькой головой наш порог не переступит» – она может так сказать даже при Лудеке. Я начинаю злиться и сразу хочется плакать от стыда. Однажды, когда Каченка сказала, что Лудек должен носить с собой специальную справку о том, что у него на шее настоящая голова, а не теннисный мяч с усами, я ее стукнула и Каченка меня при всех отшлепала. Потом мы обе жалели об этом. Я же не хочу за него выходить замуж, к тому же он уже женат. Лудек говорит мне: «Хеленка, не переживай, Каченка просто боится, что я женюсь на тебе, когда разведусь, и препятствует нашей любви, потому что в это время сама уже будет старой теткой», – но я точно знаю, что это неправда, это все взрослые шутки. А Каченка не должна была меня выдавать, ведь она знает, что я еще маленькая и некрасивая.

Но в театре это никому не мешает, если честно. Все меня любят. Например, когда я встречаю пана Сухана, это уже старый пан, который играет королей и стариков-волшебников, и он предлагает мне леденец, я беру, потому что он бы расстроился, если бы я не взяла, а еще потому, что я хочу леденец. Пан Ворел, который уже тоже довольно старый, но у него молодая любовница Мила, каждый раз кланяется мне и говорит: «Целуювашуруку, мадемуазель Хелена». Пан Ворел играет князей, полководцев, владельцев фабрик и всяких начальников. Зависит от того, что ставят. Его Мила – учительница, и мы один раз ездили с ними в Болгарию. Говорят, она младше Каченки, но она не такая красивая. Думаю, в лучшем случае она могла бы играть чью-нибудь сестру.

Еще есть замечательный пан Дусил, друг Каченки и Пепы, хотя он намного старше их и они друг с другом на «вы». Пан Дусил пришел, когда все уже сидели в автобусе и беспокоились, где он. Сказал: «Маёпочтение», – сел один и даже не шутил.

У водителя пана Клубко всю дорогу было включено радио. Играла моя любимая песня «Расписной кувшинчик, из Крумловского замка», а потом сообщили, что в Праге сгорел Выставочный дворец. Очень жаль, потому что в Праге красивые старинные дворцы, и вообще Прага красивая и столица. Там есть Градчаны¹⁰, куранты, зоопарк, и я бы хотела там жить, потому что туда переехала моя лучшая подруга Тереза Кулишкова, потому что ее маму Клару Фрагнерову приняли в Национальный театр. Национальный театр такой же важный, как зоопарк и Градчаны, поэтому они переехали. Я ужасно завидую ей и очень скучаю. Интересно, будут ли собирать деньги на Выставочный дворец, как когда сгорел Национальный театр? Я хотела спросить у Каченки, но мы уже приехали в Часлав.

В Чаславе похоронен известный гусит Ян Жижка¹¹, которому кричали: «Береги голого!»¹² – и выбили ему стрелой глаз, а потом и другой у замка Раби. Я знаю это от закопского дедушки, который учит меня нашей славной истории. Часлав – старинный город.

В туалете в гостинице, где мы жили, было написано:

*Из костела слышен звон,
Я сру, ты срушь, срет и он,
В голове все время мысль,
Как же срал тут князь Пржемысл.*

¹⁰ Градчаны – исторический район Праги, большую часть которого занимает Пражский Град – один из самых знаменитых замков Европы.

¹¹ Ян Жижка (около 1360–1424) – чешский гуситский (см. примечание 8) полководец, которого считают отцом гуситской военной доктрины. В сражениях потерял оба глаза.

¹² На древнечешском языке это означало «прикрой лицо».

И под этим:

*Хуже русских
Только Гусак¹³.*

И под этим еще:

Дай мне сзади!

Этого я не поняла и за ужином спросила у Каченки. Она поперхнулась, покраснела и сказала, что не знает, что бы это могло значить.

– Не скажи, – рассмеялся Пепа, и Лудек Старый с паном Дусилом, которые сидели с нами за столом, тоже рассмеялись.

Пан Дусил предложил спросить у Андреи Кроуповой, которая могла бы знать, но Каченка запретила, а им сказала:

– Постеснялись бы ребенка.

Я заметила, как она нахмурилась, так что больше ни о чем не спрашивала. И пора было идти в дом культуры выступать.

Показывали «Укрощение строптивой», которую играет Каченка, но Пепа играет не Петруччо, который на ней женился, а всего лишь его слугу. Я уже смотрела это раз пять, но мне все равно интересно.

Когда представление закончилось, к Пепе подошел какой-то человек, с которым они когда-то ходили в школу. Пепа совсем не узнал его, но тот все равно хотел поговорить. Так что мы с Каченкой вышли на улицу, чтобы подождать на площади. Было тепло, Каченка закурила, и мы не спеша ходили кругами и смотрели на звезды. Из дома культуры все еще выходили люди, а больше нигде никого не было. Я собралась рассказать Каченке стишок, но когда призналась, что он из туалета, она не захотела его слушать. «Лучше не надо», – сказала она. Потом мы заметили пана Дусила. Он сидел на скамейке, но как-то странно, скорее лежал. Мы к нему подбежали. Пан Дусил был немного в крови и сипел, но как только нас увидел, то сел нормально и начал улыбаться.

Каченка испугалась и уже издали кричала:

– Карел, что с вами? Вам плохо?

Но пан Дусил помотал головой и подвинулся, чтобы мы сели.

– Ничего страшного, дамы, ничего страшного. Простите минутную слабость. Мне стало плохо, нужно было на воздух.

– Мы найдем врача. Я кого-нибудь позову, – сказала Каченка.

Пан Дусил отказался:

– Даже не думайте, правда. Я бы рассердился на вас. Но спасибо вам, Катерина, я знаю, что вы добрая девочка.

– Вы плохо выглядите, – сказала Каченка, – я беспокоюсь за вас. – И, кажется, погладила пана Дусила по руке.

– Мне ужасно неудобно, особенно перед вами. Поверьте, – сказал он.

И я подумала, не против ли Пепы все это, и мне все это не понравилось. Но похоже, Дусилу было действительно плохо, хотя он и пытался быть веселым. И даже встал и опустился перед Каченкой на одно колено...

---

¹³ Густав Гусак (1913–1991) – последний президент социалистической Чехословакии, возглавил Коммунистическую партию Чехословакии после событий 1968 года (см. примечание 18). Ассоциируется с укреплением советской власти в стране.

*– Я дожидался Вас прошлой весной.
Пела вдали горизонта прореха.
Стал я натянутой звучной струной,
чтобы Ваш голос похитило эхо.
Где же Вы были? В широтах каких
явлены подписью санного полоза?
Чью проживали весну на двоих?
Кто растрепал Ваши темные волосы?¹⁴*

Потом пан Дусил снова сел, и стало тихо.

– Каченка блондинка, – сказала я.

Но все молчали. Тогда я продолжила:

– Пан Дусил, я тоже расскажу стишок. Хуже русских только Гусак.

Каченка подскочила как ошпаренная, но уже почти подошли Пепа с Лудеком и Камиллой, которая играла Бьянку, режиссер пан Новотный, а еще Андреа Кроупова и драматург Эвжен Безноска. Кажется, они меня слышали, потому что смеялись, а Андреа Кроупова повторяла мой стишок как речевку и кричала:

– Это прекрасно, народ, это просто прекрасно!

Потом она повисла на Безноске и сказала, что все приглашены к какому-то пану Кубалеку на вечеринку, так что если кто хочет пойти, то пускай пошевеливается. И все пошли, кроме нас, конечно же, и еще пана Дусила. По пути в гостиницу Пепа сказал:

– Кубалек, Кубалек... Это случайно не тот товарищ Кубалек, который говорил речь перед спектаклем?

– Угадайте, дорогой, – сказал пан Дусил и сплюнул на тротуар, – можете с трех раз.

---

¹⁴ Отрывок из стихотворения Антонина Совы (1864–1928). Перевод Игоря Белова.

4. Как меня чуть не съели волки

Вчера на кружке меня расстроили. Точнее, это сделала только Моника, но все равно вечер был испорчен. Один художник, пан инженер Рарох, женился и принес разные булочки и всем их раздавал, и каждый должен был взять. И все кроме нас с Нечеком выпили с ним за то, чтобы женитьба удалась, да не так, как в прошлом году, и чтобы не приходилось снова и снова жениться. И тут Моника говорит:

– Вот когда у Хелены будет свадьба, она нам ничего не принесет, потому что сама все съест.

Интересно, что сказал бы на это Будь Жегорт. Я вот сразу почувствовала себя тем попугаем, которого недавно видела в одном фильме про природу. Это попугай, который чуть не сдох, и он уже не такой цветной и овальный, как другие, а коричневый и круглый, и еще он не умеет как следует летать, а только бегаёт по земле, так что ему плохо приходится. Он живет на одном острове в Австралии, и таких, как он, осталось очень мало. Говорили, сейчас его немного спасли, но неизвестно, не сдохнет ли он из-за людей, как это уже случалось с разными другими животными. Очень грустный был фильм.

В школе мне постоянно говорят что-нибудь обидное, но на кружке такого еще не случилось. К счастью, никто не засмеялся. Взрослые не такие коварные, как дети, и вообще они добрее.

Почему Моника так сказала? Не понимаю. Я ведь никакая не жадная и никогда ничего плохого ей не сделала. Она такая красивая, почти как Милушка Воборникова¹⁵, и умеет делать скульптуры. Я всегда думала, что могла бы быть как Моника, которая скульптор и художник, но днем она зубной врач. Правда, я бы хотела быть скульптором и днем.

Когда я возвращалась домой, было уже темно и снова пошел снег. На минуту я остановилась перед домом культуры и посмотрела вниз на Ничин – на огоньки. Окна были желтые и оранжевые, а на самых высоких домах горели красные коммунистические звезды. Святая Гора вдали была совсем черная и выглядела зловеще. А у дома культуры было очень светло и люди ходили туда-сюда.

Они шли в кино и в театр, на кружки и в рестораны, и еще в гостиницу, куда мы с девочками ходим за пачками от американских сигарет, которые теперь коллекционируем. Дом культуры длинный, большой, и все это в нем помещается. Но он не очень красивый. И немного похож на крематорий в Праге, где мы однажды были на похоронах дяди, когда он попал под трамвай.

Из тех, кто проходил мимо, мне больше всего понравились девушки с танцев. У них у каждой были сумочка и перчатки, на ступенях они отряхивали снег с волос и, как только входили, снимали пальто и переобувались в туфли. Двери стеклянные, поэтому с улицы хорошо видно, как они причесываются и улыбаются себе в зеркале, совсем как принцессы. Как в «Спящей красавице», которую мы разучили на балете и один раз показывали в театре (я там тоже участвую, танцую третьего оруженосца).

Пока я смотрела на этих девушек, вышел пан Рарох, сразу заметил меня и удивился, что я все еще здесь, а я удивилась, что он уже идет домой. Но он объяснил, что теперь не может где-нибудь долго болтаться, раз он женат, то должен идти домой, но сначала проводит меня, потому что все равно хочет передать Каченке с Пепой угощение.

Так что мы шли и говорили о рисовании и еще о театре, и пан Рарох постоянно отпивал из бутылки, которую нес в руке, а за спиной у него был рюкзак с теми булками и еще, наверное, с бутылками, потому что там что-то звякало. Из рюкзака торчал бумажный фонарь на палке.

---

¹⁵ Милуше Воборникова (род. 1949) – популярная в 1970-е годы чешская певица.

– Не знаю, пан Рарох, буду ли теперь ходить на кружок, раз я так опозорилась, – сказала я честно.

– Как опозорилась? – удивился пан Рарох. – У тебя же хорошо получается.

– Да, но как я теперь выгляжу из-за Моники.

– Забудь об этом. Я тебе кое-что скажу. Моника злится, потому что я женился не на ней. Поэтому она теперь вредная. И еще она напилась. С горя, понимаешь?

– Понимаю. А почему вы на ней не женились?

– Она ни добрая, ни умная.

– Но очень красивая.

– Это да, ты права, – вздохнул пан Рарох и сделал большой глоток. – Не могу же я на ней, черт возьми, жениться только из-за этого, все равно она мне даст, как только мне захочется.

– А что? – спросила я, но пан Рарох уже думал о чем-то своем. – Что она вам даст?

– Что? А... Ну, что даст, что даст... да все... все, что захочу.

– Тогда, получается, она все-таки добрая?

– Ну да, вообще-то даже слишком. На мой вкус она, собственно, слишком добрая. Понимаешь?

Я не слишком поняла пана Рароха, но мы все равно уже пришли к нам. Пепа с Каченкой очень удивились, ведь пан Рарох им не друг, просто немного знакомый. Но они его не выгнали, зато меня отправили спать и говорили и говорили с ним в своей комнате, а я все слышала, пока не уснула.

Например, пан Рарох хотел быть художником, и не таким, как сейчас, а настоящим, только это как-то не получилось и теперь ему грустно, что приходится быть инженером на шахте. Каченка говорила, что он еще молод, ему только тридцать два года и еще можно стать кем угодно, даже художником. Но пан Рарох сказал, что теперь уже поздно, что скоро он станет отцом и что вообще он ужасно несчастный человек.

А потом я еще слышала, что он сказал Каченке быть осторожной с Андреей Кроуповой, потому что та подозрительно вертится вокруг какого-то товарища Пелца, который теперь главный коммунист в Ничине.

Утром я спросила, будем ли мы осторожны с Андреей, но Каченка ответила, что Андреа наша подруга и никакая не коммунистка и что она замужем за Робертом Чушеком. А главное, что нельзя слушать все, что говорят разные люди. И чтобы я не забивала себе голову.

Ну хорошо, только Каченка слишком добрая, почти как закопский дедушка Франтишек, и думает, что все люди такие же. Ее опять может кто-нибудь надуть, как, например, Фрайштайн. По крайней мере я думаю, что Фрайштайн ее именно надул.

В этот четверг у Пепы с Каченкой была премье-ра, и дедушка Франтишек приехал посидеть с нами и даже приготовил нам обед. Дедушка умеет готовить два блюда: шкубанки¹⁶ соленные и шкубанки с маком. Потом мы вместе погуляли, но недолго. После обеда по телевизору показывали хоккей: наши против русских, и все хотели его смотреть. Я тоже, поскольку Каченка обещала мне шоколадку, если мы выиграем. Мы проиграли 2:3, так что из-за этих дурацких хоккеистов я получила апельсин. Когда я сказала, что лучше ничего не надо, Каченка была недовольна: «Что бы за него отдали дети в Биафре¹⁷», – и пришлось его съесть, потому что я очень обиделась.

Ночью я вдруг проснулась и услышала, как Каченка кричит:

– Эти суки! Эти мерзкие грязные суки!

А Пепа ее успокаивает:

---

¹⁶ Картофельные клецки.

¹⁷ Республика Биафра – самопровозглашенное государство в юго-восточной части Нигерии, просуществовавшее с 1967 по 1970 год. В ходе гражданской войны в Биафре был массовый голод.

– Не стоит, Кача, ведь полночь!

А потом еще много других голосов разных людей из театра, которые пришли к нам после премьеры.

С суками у меня уже была история. Когда летом в Закопах мы играли перед домом с тамошними детьми, то мальчишки все время говорили: «Сука-блин». Я это слово никогда раньше не слышала, и оно мне понравилось, так что когда бабушка позвала меня ужинать, я ответила: «Чуть-чуть попозже, пожалуйста, я еще не проголодалась, сука-блин». Бабушка очень быстро захлопнула окно, а все женщины, которые сидели на улице на лавочках, и еще те, что выглядывали из окон, отворачивались и смеялись.

Дома потом были большие неприятности, и мне сказали, что сука – это неприличное, ну очень неприличное слово. Хуже, чем «блин» или «дурак». Оно обозначает какую-то очень плохую женщину. Но я не поняла, а что именно в ней плохого, мне не объяснили.

Ладно, это неважно, все равно я была рада, что Каченка меня разбудила своим криком, потому что мне как раз приснился страшный сон. Мне часто снятся страшные сны, но не всегда такие жуткие.

Будто бы я играю в песочнице посреди двора, между восемью домами. Здесь, где мы живем, все действительно так и есть. Одной стороной дома смотрят на разные улицы, а другой – все в один двор. В нем мы и играем. Но во сне я была совсем одна. Я что-то делала в песке, и вдруг во всех домах открылись все двери, из них выскочили волки и побежали на меня. Их было так много и они так неслись, что я даже не побежала никуда, а только ждала, когда они меня съедят. И они бы меня съели, если бы Каченка не закричала.

Мне такое уже снилось несколько раз, но, к счастью, еще ни разу меня не съели. И все равно это очень страшно, потому что я никак не могу привыкнуть. Это гораздо хуже, чем когда мне снится, что за мной приехал Фрайштайн или что черти забрали меня в ад, потому что с Фрайштайном и с чертями хотя бы можно договориться.

Бывает, что такой сон заканчивается хорошо, потому что удастся улететь. Я помашу руками и улетаю, куда захочу. Это очень просто, но получается не всегда. Жаль, что заранее не знаешь, получится ли, а то бы я уже ничего не боялась и никому бы не приходилось меня будить. А так я даже точно не понимаю, сон ли это, хотя всем, наверное, такие вещи понятны, тем более взрослым.

Я тоже хочу быть взрослой или уже старой. Ведь старые люди не смеются друг над другом из-за того, что они толстые, и не делают других отвратительных вещей, которые все время делают дети.

Когда я пошла в детский сад, то в первый же день за обедом один мальчик сказал мне, что у его папы есть грузовик и он меня этим грузовиком задавит. Я совсем не понимаю почему, ведь я только сказала ему: «Привет» – и как меня зовут. И другие были похожие вещи. Правда, я быстро уговорила Каченку, так что в сад ходила только неделю. Потом я стала ходить в театр, а там все прекрасно.

Зато в школе все почти так же, как было в детском саду, и ходить туда нужно все время. Хотя, к счастью, не совсем все время, ведь я же стану в конце концов старой и мне не придется никуда ходить и не будет ничего сниться.

5. Как я была рядом со сгнившим воробьем

На прошлой неделе родители отвезли нас в Закопы, потому что им нужно было уехать на три дня на гастроли в Южную Чехию. Конечно, лучше бы в Закопы поехал только Пепичек, раз он еще маленький, а я бы поехала вместе с ними. Но они не захотели меня взять.

Хорошего в этом было только то, что в пятницу можно было пропустить школу – по семейным обстоятельствам. То есть я думала, что это будет хорошо, а было плохо, потому что все испортили эти ужасные похороны.

В Закопах умерла одна старая женщина, и именно в пятницу ее хоронили. Это были старые, настоящие похороны, когда погребальное шествие идет прямо до кладбища. Если бы кремация, то это не страшно, это делают в Праге или в Бероуне и в Закопах тоже прямо на кладбище, так что ничего не видно, если не идти туда специально. А во время шествия идут музыканты и играют страшную грустную музыку, за ними едет машина с гробом, следом идет много народу, и все это очень медленно, долго и невозможно выдержать.

Я этого ужасно боюсь, особенно музыки, которую слышно совершенно везде и от нее никуда не спрятаться. Я всегда забираюсь под стол, чтобы ничего не видеть, и затыкаю уши ватой, но это совсем не помогает, потому что они проходят как раз под окнами и идут так долго, что я все равно не выдерживаю и сбегáю в туалет или еще куда-нибудь.

Дедушка с бабушкой живут в последнем доме на краю деревни, за ним уже только дорога к костелу с кладбищем. В Закопах помимо обычных домов есть еще пять многоквартирных, городской совет и дом культуры, как в городе, только поменьше. У дедушки с бабушкой никогда не было своего дома с курами и прочим, потому что дедушка был директором и всегда жил в школе, а когда он ушел на пенсию, как раз достроили те многоквартирные дома, и он туда переехал. У дедушки есть своя маленькая комнатка, а у бабушки спальня, где дедушке нельзя спать, потому что он храпит, и еще у них есть одна большая комната, которую бабушка называет столовой.

В столовой стоит красивая старая мебель, огромная и с резьбой. Там негде развернуться, зато хорошо прятаться, например под тем круглым столом с одной ногой и с длинной скатертью, куда я забралась во время похорон или когда в Закопы приехали русские¹⁸. Но тогда я была еще маленькая.

Меня бы, наверное, все равно там нашли, если бы захотели, да и от похорон это не очень помогает, но пока что у меня нет ничего лучше. Может, я могла бы убежать на Модру Гору или на Бржизов, это два закопских холма с лесами, или на Скалы – это настоящие скалы с пещерами, и там-то, наверное, не слышно музыки, но бабушка меня одну туда непустила бы.

Вот дедушка не боится похорон, никуда не прячется и даже ходит туда произносить речи, потому что никто другой в Закопах не умеет это делать так хорошо. Дедушка вообще храбрый. Ему не страшно ни в лесу, ни на кладбище, он не боится ни хулиганов, ни скелетов с чертями. В Закопах все его знают, и ему все время приходится куда-то ходить и что-то делать, потому что от него все время кому-нибудь что-нибудь нужно. Бабушка сердится, что он мало бывает дома, что он добр к чужим людям и что ничего за это не получает.

Бабушка все время дома, но она не читает и даже не рисует плакаты, как дедушка, а в основном готовит или печет. Она почти совсем не выходит на улицу, даже в магазин. Всегда пишет на листочке, что нужно купить, и дедушка должен идти. Наверное, раза три в день. И

---

¹⁸ 21 августа 1968 года произошло вторжение пяти армий Варшавского договора в Чехословакию, оно было реакцией на либеральные реформы в стране, известные как Пражская весна. Наиболее крупный контингент войск был выделен от СССР. За весь период оккупации 1968 года погибло 137 мирных жителей и около 500 были тяжело ранены. Войска СССР оставались в Чехословакии до 1991 года.

потом обязательно ругает его за то, что он что-нибудь испортил или где-нибудь болтал, потому что она не верит, что в магазине было много народу и получилось долго, ведь сама она никогда там не бывает и не представляет себе, что это.

Но я-то знаю, потому что я бываю с дедушкой везде, куда он меня с собой берет. Дедушка – мой лучший друг. Закопский дедушка Франтишек, конечно. Пражский дедушка тоже замечательный, но он приезжает к нам только раз или два в год, в основном перед Рождеством, и еще иногда на именины Пепы и Пепичека (и свои, ведь он тоже Пепа). Он всегда привозит апельсины и бананы, и он загорелый, потому что еще молодой.

Апельсины – это очень важно: ими дедушка Пепа жонглирует как в цирке. Он умеет и другие фокусы, например свистеть животом, уж не знаю, как он это делает, или подбрасывать апельсин локтем. Он всегда нам все это показывает, так что мы с Пепичеком ему рады. Иногда с ним приезжает и его жена Вики, но она только все время улыбается, а ничего интересного делать не умеет.

Дедушка много лет назад сидел в тюрьме, но сейчас у него все хорошо, потому что у пани Вики есть сын, который живет в Западной Германии и работает там манекенщицей. Нам тоже немного повезло, потому что иногда нам достаются старая немецкая одежда или другие вещи, которые им уже не нужны.

Когда дедушка Франтишек вернулся с похорон, мы поехали в Кралов Двор навестить тетю Лилку. Поехали только мы с дедушкой, хотя тетя Лилка бабушкина сестра, а не его. Она угостила нас цикорием и картофельными лепешками, и мы помогли ей складывать бумажные коробочки для лекарств, чтобы заработать каких-нибудь денег. У тети ужасно мало денег. Когда она была молодая, у них с дедушкой Лойзой были две кондитерские, а теперь ничего не осталось, ни кондитерской, ни даже конфет. Не осталось и дедушки Лойзы, который, как говорит наша бабушка, так много таскался за девушками, что в прошлом году от этого умер. Вот мы с дедушкой иногда и ездим к тете Лилке, чтобы ей было не так грустно.

Тетя Лилка совсем не такая бабушка, как наша. Она носит старинное черное платье, у нее длинные белые волосы и на них сетка. У нее никогда не бывает химии, как у бабушки Милы, и она вся такая обыкновенная. Но это мне как раз и нравится.

У нашей бабушки в Праге есть сестры Аня и Ирма, в Рачицах сестра Карла, а в Словакии сестра Стаза. Еще у нее была сестра Маня и четыре брата, но они уже умерли.

Домой мы шли пешком, потому что до Закопов всего пять километров и нам нравится идти и разговаривать. В лесу я захотела в туалет и уже боялась, что придется вытираться лопухом, но дедушка все-таки нашел в карманах какую-то бумагу.

Круглый год дедушка носит старый серый пиджак, в котором полно карманов, и в них есть все самое важное, что может пригодиться в пути. Например, записная книжка и ручка, карандаши-огрызки, складной ножик, чтобы их заточить, ластик, паспорт, очки, что-нибудь вкусное и всякая всячина. Когда ты с дедушкой, ничего не страшно.

Мы вышли из леса, и около нас остановился автобус, ехавший по дороге. Просто так, сам по себе. Водитель узнал дедушку и не захотел с него даже взять денег за проезд. И вообще, все в этом автобусе знали дедушку, говорили ему: «Здравствуйте, пан директор», – хотели обсудить с ним все на свете и вели себя так, будто это их дедушка.

Бабушка, конечно, сердилась, что мы где-то болтались и вернулись поздно, и зачем вообще поехали складывать эти коробки, когда дома полно более важных дел. Еще она хотела знать, кормила ли нас эта тетя Лилка, а когда мы сказали про лепешки, рассердилась еще больше: зачем вообще ели, когда дома ужин, который она готовила все утро. Вот так всегда, бабушке не угодишь.

Родители приехали в субботу ночью и в воскресенье сразу отправили меня на улицу – сказали, на свежий воздух поиграть с детьми. Я знала, что ничего не получится, и поэтому хотела играть с пластилином, но что тут сделаешь.

На улице были Павлина с Милуной и ни во что не играли, а просто сидели и глазели по сторонам. Я предложила сыграть в штандер, потому что у них был мяч. Мы немного поиграли, только вот потом пришли Лугар с Йожаном и сказали, что это глупая игра и лучше пойти за дом. Они даже не сказали, что там делать, а девочки сразу согласились. Ну, они не слишком интеллектуально развиты. Павлина даже не носит с собой носовой платок, из носа у нее все время течет, и когда сопля уже слишком длинная, она вытирает ее рукавом или слизывает. Милуна тоже довольно неряшливая. Мне вообще-то все равно, главное, что они со мной разговаривают, но бабушка не любит, чтобы они бывали у нас. Когда одна из них приходит в гости, бабушка всегда дожидается, чтобы она за чем-нибудь наклонилась, и обнюхивает ее колготки сзади: не накакано ли там, говорит. Так бы, кажется, и стукнула бабушку, если б можно было.

За домом ни во что не играли, мальчишки просто так бросали камни, всем было скучно. И тут Лугар заметил Фифика – нашу машину, которую нужно заводить рукояткой, чтобы она поехала. Она маленькая, круглая, и Пепа говорит, что ее настоящее имя «рено-четверка». Все стали смеяться над тем, что Фифик заводной, и говорить, что в нем помещается только один человек. Я защищала Фифика, объясняла, что он на бензине и мы все вчетвером на нем ездим. Но они скрутили мне руки за спиной и мучили меня, чтобы взяла свои слова обратно и поклялась, что там помещается только один человек. Я возвращалась домой очень рассерженная, а еще мне было стыдно. Что бы на это сказал Пепа, который никогда не лжет и учит меня, что нельзя просто так сдаваться? Я задумалась, перестала идти и остановилась за углом. Как раз перед сгнившим воробьем.

Дело в том, что там в стене за маленьким зарешеченным окошком лежитдохлый воробей. Он лежит там ужасно давно, от него остался почти один только скелет. Я его немного боюсь, но все-таки мне и интересно тоже, так что обычно я просто так издалека одним глазом быстро взгляну, что там с ним, и сразу ухожу. Никогда не подхожу близко. А тут задумалась, забыла его обойти – и вдруг стою прямо рядом. Я поскорее зажмурилась, но все равно уже его увидела. И тогда я подумала, что раз я смогла посмотреть на сгнившего воробья, то смогу сказать Лугару, сколько человек помещается в Фифика. Будь Жегорт сделал бы это запросто.

Лугар и все остальные все еще сидели за домом.

– Лугар, – строго сказала я.

– Чего тебе, сарделька? – спросил он.

– В нашу машину помещаются четыре человека, – сказала я и ждала, что будет. Но ничего не было.

– Ну да, хоть восемь, – ухмыльнулся Лугар.

Фифик уже никого не интересовал. Все собрались идти под лестницу играть в пошлого доктора. И даже предложили мне пойти с ними. Но я пошла делать уроки.

Каченке с Пепой как-то не хотелось домой, так что возвращались мы аж в понедельник утром. Мы иногда так делаем, хотя и приходится очень рано вставать, чтобы я вовремя пришла в школу. Ехать до Ничина долго, почти час по петляющей, таинственной дороге через леса и разные маленькие деревни.

Посреди одного такого леса мы увидели маленькую девочку в красной шапочке и с красным ранцем за спиной. Пепа притормозил и спросил ее, не к бабушке ли она идет, не несет ли пирожки. Она ответила, что нет, идет из дома лесника во Влковицах в школу. Сказала, что ходит так каждый день, потому что никакие автобусы так рано не ездят, а машины у них нет. И мы подвезли ее прямо к школе, и она была очень рада. Я тоже была рада, только жалела, что Лугар и остальные не видят, что в Фифике едет пять человек. Конечно, трое из них еще маленькие, но так тоже считается.

6. Как слоны обезумели

Мы были в Праге! Целых два дня! Это было так замечательно, что в голове я все еще там. Как только мы въехали в город, я заметила вдалеке дома, такие красивые, что я подумала, что это Градчаны. Но Каченка сказала, что нет, это всего лишь Коширже. Только все равно, в Ничине нет ничего хоть чуть-чуть такого же красивого, как Коширже. Разве только Святая Гора, но может, и нет.

Винограды, где живут бабушка Даша с дядей Криштофом, тетей Яной и с Вашичеком, еще лучше, чем Коширже. На их доме разные красивые украшения, много всяких выступов и он даже розовый.

Родители сдали нас с Пепичеком бабушке Даше и пошли на похороны, из-за которых мы приехали в Прагу. Умерла тетя Аня – это самая младшая сестра закопской бабушки, которую бабушка любит больше всех, потому что она самая аристократичная. Так что закопские бабушка с дедушкой тоже поехали и не могли за нами присматривать. Но главное, нам с Пепичеком не нужно было идти на эти похороны. После похорон все родственники организовали праздник, потому что они любили тетю Аню, и Пепа с Каченкой решили, что мы останемся в Праге ночевать. Мы с Пепичеком – на Виноградах, а они – не знаю где, и домой поедем на следующий день после обеда. Я была очень рада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.